

*М.О. Акишин (Новосибирск)*

## **ПРАВО ВОЙНЫ В ХОДЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (XVII ВЕК)**

### **Введение**

**Р**ОЛЬ НАСИЛИЯ при включении территории и населения Восточной Сибири и Дальнего Востока в состав Русского государства является дискуссионной. Теории завоевания этих земель придерживались Г.Ф. Миллер, С.В. Бахрушин, С.А. Токарев, Ф.Г. Сафронов, А.С. Зуев и др. Однако они делали оговорку о добровольном подчинении некоторых «землиц». Напротив, О.В. Ивонова впервые постулировала: «Присоединение Якутии к Русскому государству проходило в основном мирным путем»<sup>1</sup>. Эту позицию поддержали Г.П. Башарин и В.Н. Иванов. Преобладание мирных средств при присоединении Забайкалья и Приамурья обосновал В.А. Александров.

В этой давней дискуссии не поставлены два принципиальных вопроса. Во-первых, не было раскрыто само понятие войны в классическом международном праве XVII в., а также ее понимание русскими и аборигенами. Во-вторых, отдельные факты жестокости служилых людей требуют не эмоциональных оценок, а исследования вопроса закрепления в русском законодательстве законов и обычаев права войны и их применения в процессе присоединения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Эти два вопроса и рассматриваются в настоящей работе.

Исторические источники для исследования поставленных проблем представлены, прежде всего, нормативно-правовыми актами (шертные записи, государевы указы и грамоты, наказы сибирским воеводам и наказные памяти служилым людям), документами официального делопроизводства, челобитными сибиряков. Воззрения народов Восточной Сибири на процесс их

включения в состав Русского государства позволяют реконструировать фольклорные материалы (якутские исторические предания, цикл легенд об Эллее, мифологические сказания эвенков и энцев и т. д.).

### **Понятие войны**

В XV–XVII вв. в Европе и России формируется доктрина, согласно которой война могла вестись только между суверенами, обладавшими правом «двигать войну». Необходимым требованием, предъявлявшимся к справедливой войне, было ее торжественное объявление. Эта доктрина использовалась российскими самодержцами в Сибири. Во вновь «приисканные земли» от имени российского царя направлялись государевы служилые люди, которые были обязаны «всякие дела» делать «по государеву указу и по памятям». В «новых землях» служилые должны были вступить в переговоры с местной знатью о принесении «шерти» на подданство. Эти переговоры включали элемент насилия: местных правителей предупреждали, что если они окажутся «непослушны и непокорны», то будут приведены в подданство «ратным боем». При этом служилым людям предписывалось обращаться с «иноземцами» «ласкою, а не жесточью»<sup>2</sup>.

Против тех ясачных людей, которые после принесения шерти «учнут государю изменять», также было узаконено применение вооруженной силы. Ее использование градировалось. Если «непослушным» было небольшое число «иноземцев», живущих неподалеку от острога, их требовалось «смирять войною небольшим разорением», а «лутчих людей» захватывать в аманаты. В случае, если «учнут... изменники... государевых служилых, и торговых и промышленных людей... побивать... приходиться войною», предлагалось над ними «поиск учинить» и «смирять огненным боем», зачинщиков сажать в тюрьмы и держать до особого указа царя<sup>3</sup>.

Народы Восточной Сибири и Дальнего Востока не имели в XVI–XVII вв. своей государственности, не были знакомы с принципами и нормами классического международного права и европейским пониманием подданства. В условиях государственности империи Чингис-хана они усвоили институт кыштымной зависимости слабого племени от более сильного, которая могла включать в себя и чисто номинальное признание верховенства, и крайне жесткую эксплуатацию. Требование подданства служи-

лые люди сопровождали процедурой подарков – отдарков, которая могла восприниматься аборигенами как меновая торговля, и пиром-угощением.

Можно предположить, что, соглашаясь шертовать на подданство, аборигены считали, что только номинально признают власть «белого царя». Характер зависимости – номинальный или реальный – они пытались определить позднее, что и являлось причиной вооруженных конфликтов уже после принесения шерти. В этих столкновениях местная знать решала вопрос о пределах своей власти в ясачных «волостях» и «улусах», уже вошедших в состав Русского государства. Характерно, например, отношение якутских князцов Нарыкана, Буруха, Кореня, Бойдона, Ногуга, которые первыми на реке Лене в 1630 г. столкнулись с отрядом А. Добрынского. Поначалу они мирно шертовали и внесли ясак, позволили служилым построить острожек на своей земле. Но в ноябре 1630 г. неожиданно перешли к боевым действиям: со своими «улусами приступали к острожку жестокими приступами», продолжая осаду до мая 1631 г. Понеся большие потери и убедившись в том, что острожек взять не удастся, якуты вновь начали платить ясак<sup>4</sup>.

По мере укрепления русской администрации «иноземцы» начинали осознавать новые реалии своего бытия, о чем свидетельствует их фольклор. Так, в якутских сказаниях историческое время делится на до прихода русских и после<sup>5</sup>. Русские включаются в мифы о творении. В легенде о появлении разных народов, бытовавшей в северных районах Якутии, рассказывается о трех сыновьях бога, младший из которых – русский – богом-отцом был назначен главенствовать над старшими братьями – якутом и эвеном<sup>6</sup>. Подобный же сюжет имеется в чукотском мифе о творении, где бог-отец предназначает все народы, кроме чукчей, в рабство русскому. Только чукчи должны быть равными русским. Следует при этом отметить, что чукчи относились ко всем своим соседям крайне высокомерно и ни один народ в их фольклоре, за исключением русских и самих чукчей, не назван собственно людьми<sup>7</sup>.

### **Характер русского продвижения**

Особенностью русского продвижения в Восточную Сибирь и Приамурье был явный недостаток в численности служилых людей. В отличие от Западной Сибири, где оперировали отно-

сительно крупные воинские контингенты, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке действовали небольшие отряды землепроходцев. Действия этих отрядов в суровых природно-климатических условиях, при продолжительных походах не могли не привести к поиску среди сибирских «иноземцев» союзников.

Начало продвижения в Среднюю и Восточную Сибирь стало возможно только после окончания Смуты. В 1618 г. в верховьях реки Кети для охраны волока на Енисей был поставлен Маковский острожек. В 1619 г. к востоку от него – Тунгусский (переименованный вскоре в Енисейский) острог. В 1628 г. – Красноярск. Основание острогов на среднем течении Енисея привело к частичному объясачиванию самодийских племен, расселявшихся в бассейнах реки Таза, Турухана и нижнего Енисея, и эвенков, расселявшихся в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок и в верховьях Лены. Приведение к шерти питских, варгаганских и приангарских тунгусов, как и асанов, обитавших по притоку Ангары – Тасевой, произошло на протяжении 20-х гг. XVII в.<sup>8</sup>

Освоение русскими нижней и средней части бассейна Енисея открыло им пути в Прибайкалье. Буряты и эвенки, населявшие этот регион, русское подданство принимали в основном мирно<sup>9</sup>. В 1628–1629 гг. через Западную Бурятию прошел отряд П. Бекетова, сумевший призвать князцов «Кодогоня, да Кульза, да Андая со товарищи... под государеву царскую высокую руку». В 1630 г. атаман М. Перфильев привел к шерти князцов Абакая, Братая, Кодогуня и поставил Илимский острог.

В 1631 г. в «Братцкую землю» вновь совершил поход П. Бекетов. Он вступил в переговоры с бурятами-эхэритами. В ответ на предложение платить ясак бурятские князцы заявили, что они сами собирают ясак «со многих землиц», и угрожали: «Вас к себе в холопи розберем, ис свои земли вас не выпустим». В бою с казаками буряты потеряли от 40 до 56 чел. В том же году буряты-эхэриты откочевали к Байкалу, а их кыштымы тунгусы-налягиры «государские высокие руки утрашились» и принесли Бекетову ясак. Результатом этой экспедиции стало основание Братского острога<sup>10</sup>.

Бурятское население районов, прилегающих непосредственно к Байкалу, вошло в контакт с русскими с начала 1640-х гг., когда в верховьях Лены был основан Верхоленский острог (1641). В 1654 г. в устье Унги на Ангаре Д. Фирсовым был построен Бала-

ганский острог. В 1661 г. на правом берегу Ангары Я. Похабовым был построен Иркутский острог. Постройка этих опорных пунктов ускорила присоединение ангарских бурят к России и содействовала укреплению безопасности всего бурятского населения<sup>11</sup>.

Присоединение Забайкалья произошло благодаря совместным усилиям государевых служилых людей и русских промысловиков. В 1644 г. отряды енисейских служилых людей В. Колесникова и И. Похабова ушли за Байкал вместе с промышленными людьми. В 1645–1647 гг. они установили в Забайкалье мирные контакты с бурятским и тунгусским населением и монгольскими князьями. В 1647 г. был основан Верхне-Ангарский, в 1648 г. – Баргузинский, в 1652 г. – Баунтовский, в 1653 г. – Иргенский и Нерчинский, в 1658 г. – Телембинский острог, в 1662 г. – Кучидский, в 1666 г. – Удинский и Селенгинский остроги. Окончательно эта территория вошла в состав России после основания в 1658 г. Нерчинского уезда<sup>12</sup>.

В 1619 – начале 1620-х гг. тобольские и мангазейские воеводы получили сведения о реке Лене. В этот регион первоначально проникали по своей частной инициативе промышленники. Так, первой на Лене, видимо, оказалась партия мангазейских промышленников во главе с А. Пендой (Пяндой). В 1624 г. они основали на Нижней Тунгуске первое русское поселение – Пендинское зимовье, а затем в устье Кочемы – Нижне-Пендинское и в устье Средней Кочемы – Верхне-Пендинское<sup>13</sup>. Этот первый контакт получил отражение в фольклоре якутов. Согласно преданию, на земле кангаласских якутов перед юртой престарелого тойона Тыгына неожиданно появились неизвестные люди, говорившие на незнакомом языке и внешне отличавшиеся от своих. Трудолюбием и кротким нравом они завоевали симпатию Тыгына, который взял их в работники<sup>14</sup>.

Промышленные люди отправлялись в «новые земли» за прибылью от соболиного промысла либо на свои средства («своеужинники»), либо в составе промысловых ватаг в 30–40 человек на «покруте» (найме). Сам характер торгово-промышленной деятельности предполагал стремление промышленных людей установить мирные отношения с коренными народами. Торговые люди снабжали экспедицию своих покрученников всякими товарами для мены с местным населением. Так, в 1634 г. Надей Светешников отпустил со своим человеком И. Ломом и покрученника-

ми «многие промышленные товаренки»: медь, и олово, и одекуй, и бисер, и «всякий товар по якутской цене». То же самое делали люди торгового человека гостиной сотни Василия Гусельникова и гостиной сотни торгового человека Алексея Усова<sup>15</sup>.

Настрой на мирные контакты объективно обусловил позитивное влияние промышленных людей в процессе присоединения «новых земель». В.Н. Иванов пришел к выводу: «...промышленные люди своей основной – торговой – деятельностью способствовали включению местного населения в экономические связи независимо от того, в какой форме и в каком эквиваленте осуществлялись меновые операции... Их деятельность пробивала дорогу к общению с местным населением, в какой-то степени снимаемая напряженность в отношениях»<sup>16</sup>.

Присоединение Ленского края к Русскому государству осуществили служилые люди по «государеву указу». В 1630 г. отряд мангазейских служилых людей во главе с тобольским служилым А. Добрынским совершил поход по рекам Лене и реке Алдану, где собрал первый ясак. Этот отряд впервые столкнулся с вооруженным отпором. С 8 ноября 1630 г. по 9 мая 1631 г. он находился в осаде в построенном им острожке. Параллельно началось проникновение на Лену из Енисейска. В 1631 и 1634 гг. туда совершил два разведывательных похода енисейский казачий атаман И.А. Галкин. Оба раза он сталкивался с вооруженным отпором якутов<sup>17</sup>.

В 1632 и 1633 гг. в Ленский край совершил поход енисейский отряд стрелецкого сотника П. Бекетова. Знаменитый землепроходец предпочитал действовать дипломатическим путем, но в случае сопротивления прибегал к решительным действиям. В 1632 г., приводя к покорности якутов Дупсунского улуса, отряд Бекетова уничтожал их городки. Один из них, который сопротивлялся особенно упорно, служилые люди сожгли «со всеми якуцкими людьми». Согласно «отписке» Бекетова, в нем погибло 87 чел. В результате этого похода к шерти было приведено 32 князья из 17 улусов, был поставлен Якутский острог, что фактически обусловило включение Ленского края в состав Русского государства<sup>18</sup>.

В 1635–1639 гг. отряд служилых людей В. Шахова путем мирных переговоров привел в подданство племена живших по реке Вилии<sup>19</sup>. В 1636 г. столкновения с якутами происходили у от-

рядов служилых людей Б. Байкшина и П. Ходырева. В 1637–1639 гг. отряд Д. Копылова объясачил «многих улусных людей якутов тагусских князцов», которые кочевали в бассейне Алдана. Этому отряду дважды пришлось вступать в сражения с якутами (1637, 1638). В 1633–1641 гг. отряды И. Перфильева, И. Реброва, Е. Бузы и П. Иванова обследовали земли по рекам Яне и Индигирке, привели в подданство и собрали ясак с обитавших там племен. «Замирить» Якутскую землю удалось только к концу 1630-х гг.<sup>20</sup>

Создание Ленского острога позволило создать административный центр для управления этим громадным краем. После прибытия в 1641 г. в Якутск воевод П.П. Головина «с товарищи» продолжилось продвижение служилых людей по двум направлениям: во-первых, от Ленского острога через Верхоянский хребет в верховья Яны, Индигирки и среднее течение Колымы; во-вторых, от устья Лены вдоль морского побережья на Анабар и на Колыму.

В 1641–1643 гг. отряд Д. Ярило собирал ясак с племен на реках Яне, Индигирке и Алазее, откуда впервые добрался до реки Колымы. В 1641–1645 гг. отряд М. Стадухина объясачил иноземцев по рекам Томке и Моме, затем «дошел на Колыму реку». Часть этого отряда прошла «через горы» на реку Охоту и от нее «к морю», т. е. вышел к Охотскому морю. В 1647–1659 гг. Стадухин «с товарищи» находился на «дальних службах» «на новых на Андаре, да на Пенжене, да на Изиге, да на Товуе реках»<sup>21</sup>.

Таким образом, в 1630-х – 1640-х гг. сложилась основная цепь русских поселений Якутского уезда: Якутский острог (1632), Верхневилуйское зимовье (1634), Олекминский острог (1635), Жиганское зимовье (1635), Бутальское зимовье (1636), Верхоянское зимовье (1638), Зашиверский острог (1639), Ульинское зимовье (1639), Олюбинское зимовье (1641), Алазейский острожек (1642), Среднеколымское зимовье (1643), Нижнеколымское зимовье (1644), Верхнеколымское зимовье (1647), Охотский острог (1647), Анадырский острог (1649). Экспедиция 1648 г. Семена Дежнева позволила достичь естественных природных очертаний Якутского уезда на севере и востоке.

В 1640-х гг. начало формироваться новое направление движения русских землепроходцев из Якутска – от Ленского острога по Алдану и его притокам на Амур. Первые сведения об Амуре

получили в 1639 и 1641 гг. отряды служилых людей М. Перфилева и письменного головы Е.Л. Бахтеярова. Приамурья они не достигли, но установили, что там живут «сидячие пашенные люди», а бассейн Амура богат полезными ископаемыми. Первую русскую экспедицию, достигшую Тихого океана, вел томский казак И. Москвитин. Осенью 1639 г. казаки Москвитина вышли к Охотскому морю, плавали в открытом океане и открыли, в частности, остров Сахалин. В конце 1640 г. казаки Москвитина в поисках Амура, о котором уже имелись смутные сведения, вышли в устье этой реки<sup>22</sup>.

В 1643 г. якутскими воеводами была организована экспедиция на Амур из 132 служилых людей во главе с письменным головой В.Д. Поярковым. В 1643–1645 гг. отряд Пояркова побывал на Амуре, собрал сведения о даурах (эвенках) и дючерах; выяснил, что в их землях часто появлялись маньчжуры. В низовьях Амура проживали ачаны (натки) и гиляки (нивхи). Поярков установил, что они не были у кого-либо в подданстве и «ясаку они никому не дают».

В 1643 г. Поярков отправил казаков во главе с пятидесятником Ю. Петровым в один из даурских «острожков» «для государева ясажного сбору и для корму, чтоб им служилым людям было чем прокормиться до весны». Но из-за жадности Петрова у его отряда произошел с даурами «бой ... великой», после которого служилые вынуждены были отступить.

Зимой 1643/44 г. в отряде Пояркова начался голод. Служилые питались «травой и кореньем», были даже случаи людоедства: некоторые казаки «...не хотя напрасно смертию помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли». Перед зимовкой в отряде Пояркова числилось 90 человек, за зимние месяцы 40 человек «голодную смертью померло». Летом 1645 г. экспедиция Пояркова по Охотскому морю вернулась в Якутск. В Якутске Поярков представил подробный отчет и «чертеж» пройденных им мест<sup>23</sup>.

По результатам похода Пояркова якутские воеводы докладывали в Сибирский приказ об открытии двух дорог на Амур – по Олекме и Алдану, предлагали начать колонизацию края<sup>24</sup>. Однако эти планы, видимо, не получили поддержки в Москве.

Только в 1649 г. по своему челобитью и в основном на свои средства на Амур был отпущен «старый опытовщик» Е.П. Хаба-

ров. Вернувшись в Якутск, он доложил воеводе, что «та Даурская земля будет прибыльнее Лены ... и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно». В 1651 г. Хабаров вернулся на Амур уже приказным человеком, действующим по наказной памяти от воеводы. В 1651–1654 гг. он привел в подданство и собрал ясак со всех народов Приамурья. В 1654 г. «по государеву указу» на Амур из Москвы с воеводскими полномочиями прибыл московский дворянин Д. Зиновьев, что формально означало признание верховной властью России включения Приамурья в состав России. Летом 1653 г. Зиновьев в торжественной обстановке сказал жалованное слово местным князям и «лучшим людям»<sup>25</sup>.

### **Обычаи и законы права войны в действиях служилых людей**

Встреча с казаками описывается в фольклоре народов Восточной Сибири как экстремальное событие. Русские передвигались по рекам, а река в верованиях якутов связывает земной и подземный миры, почему этим путем в мир людей приходит все неизвестное, враждебное. Пугал сам внешний вид казаков. В преданиях чукчей облик пришлецов описывается следующим образом: «...одежда вся железная, усы как у моржей, глаза круглые железные, копьа длиной по локтю и ведут себя драчливо – вызывают на бой». Магическое впечатление на якутов производило огнестрельное оружие. В одном из сказаний пушка изображается как «зверь с очень страстной, огненной душой». Предания содержат описания истязаний, которым подвергались аборигены, отражают желание истребить их всех, угон оленей<sup>26</sup>.

Но при этом в фольклоре якутов сохранились и совершенно другие оценки последствий вхождения их земель в состав Русского государства. Во-первых, установление нового правопорядка осознается как главное условие прекращения междоусобиц между народами Северо-Востока Азии. Во-вторых, законодательство Русского государства признается более справедливым, чем обычное право. В-третьих, русские воеводы начинают оцениваться позитивно: они разбирают бытовые конфликты и осуществляют справедливую раскладку ясака<sup>27</sup>.

Русские источники свидетельствуют, что действия служилых людей в «улусах» и «волостях» «иноземцев» достаточно пол-

но регулировались в законодательстве и контролировались на практике. С одной стороны, это соответствовало традициям православного гуманизма. С другой, русские власти стремились установить в «новых землях» общий правопорядок, исключавший и межплеменные войны «иноземцев», и насилие со стороны русских переселенцев.

В отрядах служилых людей поддерживалась строгая дисциплина. От них требовалось, чтобы «ружье было доброе» и «государева служба была за обычай». Атаманы, сотники, пятидесятники и десятники «смотрели» у рядовых «их рухлядь и платья и харч»; «берегли накрепку», чтобы у них «зерни и табаку и грабежу и воровства и пьянства и никакого дурна отнюдь не было». Служилым предписывалось на месте службы «вин не курить и пив не варить и зерни у себя и продажного питья не держать», запрещалось торговать с «иноземцами» и промышленными людьми, заниматься пушным промыслом и «складываться» с торговыми людьми. В случае нарушения этих норм следовали санкции: «...за то быть в государеве пене и в жестоком наказанье без пощады»<sup>28</sup>.

Русское законодательство XVII в. содержало достаточно развитую систему юридических норм, регулиующую правовое положение сибирских «иноземцев». В отношении плененных в ходе военных конфликтов предписывалось – после того как «воистые» иноземцы будут «усмирены» и согласятся вечно быть под высокою царскою рукой и платить ясак, а также станут «государю бити челом» о своих сородичах, попавших в плен, предписывалось «прощать их на окуп»<sup>29</sup>.

На практике «окуп» (выкуп) брался не всегда. Так, в 1651 г., захватив Толгин городок на реке Зее, отряд Е. Хабарова взял в плен большое количество дауров, в том числе их жен и дочерей. Выкуп за каждую из них составлял мехами «по сороку рублей и по штидесяти, а за иную... по сту рублей». Но Хабаров решил ограничиться приведением дауров к шерти на подданство, сбором ясака и задержанием в аманатах князцов Турончи, Толгы, Омутея и трех «лучших улусных мужиков», отпустив остальных пленных без выкупа в их улусы для «постоянства и удержания земли»<sup>30</sup>. Эта практика действовала на протяжении всего XVII в. В наказе тобольскому воеводе князю М.Я. Черкасскому говорилось о том, чтобы «полон» отдавать их сородичам, если они перестанут «воровать»<sup>31</sup>.

В законодательстве был установлен запрет на вывоз «иноземцев» из Сибири в целях сохранения плательщиков ясака. В грамоте царя Михаила Федоровича 1623/24 г. сообщалось о том, что «татар и татарченков мужеского и женского полу всяким людям покупати и даром ни у кого имать и крестити, и на Русь ни с кем высылати не велено»<sup>32</sup>. В 1634/35 г. на Верхотурье была послана государева грамота, которой предписывалось: «...будучи... на заставе смотреть и беречь накрепко, как из сибирских городов воеводы и дьяки, и письменные головы, и их братья, и дети, и племянники... служивые, и торговые, и промышленные люди, и архиепископские дети боярские, и попы, и чернецы, и всякие люди поедут к Руси... и повезут с собой сибирских татар и остяков, и их жон, и детей – осматривать и обыскивать всякими мерами накрепко. И у ково будет... объявитца ясырь татарова, и остяки, и их жены и дети, робята и девки ... тот ясырь у них имать и отсылати в Тобольск». В Москву следовало сообщать, у кого именно ясырь был отобран<sup>33</sup>.

В 1649 г. этот вопрос был вновь поставлен енисейским воеводой Ф.П. Полибиным перед Сибирским приказом. Воевода сообщил, что служилые люди «привозят в Енисейской острог с Байкала озера брацких людей полоняников ... и ... продают торговым и промышленным людям», а последние вывозят их на Русь. В ответ Сибирский приказ подтвердил грамоту 1645/46 г., согласно которой таможенным и заставным головам запрещено пропускать с русскими людьми за Урал «сибирских татар и остяков, и их жен и детей», а выявленный ясырь с Верхотурья, Березова, Собской и Обдорской застав отсылать в Тобольск, с Ижемской заставы – в Пустоозерск, а оттуда в Енисейский острог. При этом «некрещеных татар и остяков строить в ясак, а жонки и девки отдавать отцом им и матерем, и мужьям, и роду и племени ... а которой де ясырь же взяты в немирных землях, и тот ясырь велено держать в Енисейском остроге на аманацком дворе». Воевода получил выговор за то, что «ты плутаешь, отписываешься о том не делом», и предписано действовать согласно прежним указам и своему наказу<sup>34</sup>.

Важной проблемой, которая сохраняет актуальность и в современном международном гуманитарном праве, является практическая реализация норм в отношении военнослужащих, которые совершили военные преступления. В Сибири XVII в.

эта проблема решалась достаточно радикально. Например, под следствием оказались почти все командиры отрядов служилых людей, приводивших в подданство якутов по реке Лене в 1630-х гг. А. Добрынский и М. Васильев, командовавшие экспедицией, впервые попавшей на Лену и собравшей первый ясак в 1630–1632 гг., были заподозрены в злоупотреблениях и вынуждены доказывать свою невиновность<sup>35</sup>. Под следствием находился енисейский атаман И. Галкин, которому ставилось в вину то, что во время похода 1631 г. он из-за «воровства и корысти» учинил «отгон» от ясачного обложения двух «лутчих тайшей» с их улусными людьми и «алданских князцов», чем нанес «государеве казне большую убыль, а ясачным людям тесноту и обиду»<sup>36</sup>.

Возможно, такие следствия иногда носили профилактический характер. В ходе некоторых из них выяснялось, что у служилых устанавливались настолько дружеские отношения со знатью ясачных, что во время следствия те выступали на стороне русских. Так, по распоряжению якутского воеводы П.П. Головина, в 1641 г. сын боярский Парфен Ходырев попал в тюрьму по обвинению в служебных злоупотреблениях. На следствии он назвал своими «другами» князцов Кангаласской, Борогонской и Одейской волостей Еюка Никина, Логуя Амыканова, Ижила Накураева и Сергуя Унегина. Ходырев утверждал, что ранее он «был до них добр, поил де их, кормил». Его слова подтвердил толмач из якутов Кузьма Туркин, который в разговоре с борогонским Огунеем Оргузеевым сказал: «Как Парфен был де здесь тоеном, а я де здесь был в толмачах и мы де до вас были добры»<sup>37</sup>.

### **Заключение**

Верховная власть и центральные органы Русского государства при присоединении Восточной Сибири и Приамурья придерживались позиции приоритета дипломатических средств, а при использовании насилия исходили из общепринятых в Европе того времени требований к справедливой войне: ее публичного характера, ведения от лица суверена, необходимости объявления войны и т. д.

Эти юридические конструкции были непонятны народам Сибири. Подданство «белому царю» они воспринимали как известный им по монгольскому праву институт кыштымной зависи-

мости. Как правило, причиной военных столкновений было приращивание местной знати на определение объема их власти в ясачных «волостях» и «улусах» в составе Русского государства. Эти действия являлись частными войнами родо-племенной знати догосударственного периода.

Приведение в подданство «иноземцев» осуществлялось воеводами и служилыми людьми путем переговоров. Русская администрация придерживалась позиции установления единого правопорядка во вновь присоединенных землях, прекращения межплеменных войн, что, безусловно, способствовало установлению добрососедских отношений с обитавшими там народами. В русском законодательстве XVII в. были достаточно подробно урегулированы вопросы воинской дисциплины, правового положения сибирских «иноземцев», закреплены санкции за военные и иные преступления в их отношении.

---

<sup>1</sup> История Якутской АССР. М., 1957. Т. II. С. 40.

<sup>2</sup> ДАИ. Т. IV. С. 159.

<sup>3</sup> Так же. С. 112–113.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 214. Стб. 67. Л. 554–555; Бахрушин С.В. Открытие Якутии русскими в XVII в. и присоединение ее к России // Якутия в XVII в. (очерки). Якутск, 1953. С. 17.

<sup>5</sup> Ксенофонов Г.В. Элейада. М., 1977. С. 158.

<sup>6</sup> Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974. С. 144.

<sup>7</sup> Богораз А.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900. С. 160.

<sup>8</sup> Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 191–204.

<sup>9</sup> Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. М., 1937; Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 15 и след.

<sup>10</sup> Сборник документов по истории Бурятии. VII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 27; Материалы по истории Якутии XVII века. Т. III. М., 1970. С. 1072–1077.

<sup>11</sup> Копылов А.Н. О дате основания Иркутска // История СССР. 1960. № 5. С. 165–166; Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 35–38; Долгих Б.О. Указ. соч. С. 284, 285.

<sup>12</sup> Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 46 и след.

<sup>13</sup> Окладников А.П. Пенда – забытый русский землепроходец XVII в. // Летопись Севера. Л., 1949. Вып. 1. С. 94–102; Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 12–13; Полевой Б.П. Новое о Пянде // Материалы по истории Сибири. Сибирь в период феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 283–284.

<sup>14</sup> Исторические предания и рассказы якутов. М.; Л., 1960. Ч. II. С. 12–14.

<sup>15</sup> Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сб. докл. М., 1951. С. 161–195.

<sup>16</sup> Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 54.

- <sup>17</sup> РГАДА. Ф. 214. Стб. 31. Л. 389–391; Стб. 67. Л. 546, 553–555, 576–577; Стб. 83. Л. 477–479. РИБ. Т. II. С. 965.
- <sup>18</sup> Материалы по истории Якутии XVII века. Т. 3. С. 1085, 1089–1091, 1095–1096.
- <sup>19</sup> РГАДА. Ф. 214. Стб. 52. Л. 239–240; ДАИ. Т. II. С. 229–230, 234–235.
- <sup>20</sup> Открытия русских землепроходцев... С. 100–101, 114, 116–117, 122, 132, 142–143, 152–156 и др.
- <sup>21</sup> Там же. С. 120, 135, 142, 143, 157, 221, 271–272, 492.
- <sup>22</sup> Полевой Б.П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. («Расспросные речи» И.Ю. Москвитина и Д.Е. Копылова, записанные в Томске 28 октября 1645 г.) // Труды Томск. обл. краевед. музея. Томск, 1963. Т. 6. Вып. 2. С. 24, 28.
- <sup>23</sup> ДАИ. Т. III. С. 50–60; Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. 1608–1683. С. 117.
- <sup>24</sup> ДАИ. Т. III. С. 102–104; Открытия русских землепроходцев... С. 231.
- <sup>25</sup> ДАИ. Т. III. С. 258–261; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. С. 135, 200.
- <sup>26</sup> Богораз А.Г. Указ. соч. С. 330–331, 334; Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов. Якутск, 1960. Т. 2. С. 59; Ксенофонтов Г.В. Указ. соч. С. 101.
- <sup>27</sup> Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов. Т. 2; Ксенофонтов Г.В. Указ. соч. С. 101.
- <sup>28</sup> РГАДА. Ф. 214. Стб. 75. Л. 5–9; Ф. 1177. Оп. 3. Д. 261. Л. 20, 24а–26; РИБ. Т. II. С. 970–971.
- <sup>29</sup> ДАИ. Т. IV. № 46. С. 113.
- <sup>30</sup> Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1990. С. 71–72.
- <sup>31</sup> АИ. Т. III. С. 314.
- <sup>32</sup> Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 229.
- <sup>33</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 102. Л. 103–104.
- <sup>34</sup> ДАИ. Т. III. № 62. С. 233, 224.
- <sup>35</sup> Иванов В.Н. Указ. соч. С. 36.
- <sup>36</sup> РГАДА. Ф. 214. Стб. 75. Л. 172.
- <sup>37</sup> РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 117. Л. 60, 125; Иванов В.Н. Указ. соч. С. 91.